

Тихая сенсация

Он долго, многие годы, только издали любовался этим волшебным для него домом и его хозяйкой. Кто он был? Крестьянский парнишка из бедной избушки, тремя окошками своими укромно глядящими на церковь. А почти напротив, наискосок, стоял другой дом — с мезонином, с ажурной резной верандой, дивным садом — барский особняк помещицы Лидии Ивановны Кашиной. В ней была особая русская стать, черные выразительные глаза, легкая, веселая приветность. Лидия Ивановна была прекрасной наездницей. И когда стремительно пролетала верхом на своей лошади и вился за ней легкий белый шарф, казалось, сама мечта пронеслась мимо «весенней гулкой ранью» «на розовом коне».

Кто же она?

Отец Лидии Ивановны Кашиной был известный в Москве миллионер, богатый владетель тракторов, ночлежек на Хитровом рынке — Иван Петрович Кулаков. О нем знаменитый репортер Гиляровский писал в своей книге «Москва и москвичи». Плохо писал — скупой, прижимистый и жесткий был человек. А дочь не в него пошла. Нежная и мечтательная, она прекрасно училась, знала языки, музицировала, интересовалась литературой. В 19 лет вопреки воле отца вышла замуж за учителя гимназии Кашина. Всю жизнь прожила в Москве.

Дом в Константинове Лидия Ивановна получила после смерти отца в 1911 году и с той поры бывала там подолгу — всегда летом, а иногда и зимой... Так появилась в жизни Сергея Есенина его Анна Снегина, юношеская восторженная любовь. Он видел ее издали — на «розовом коне». Или среди цветов ее сада. Или слышал звуки волшебные рояля — это она играла своего любимого Шопена. «Пусть порой мне шепчет синий вечер, что была ты песня и мечта, все ж кто выдумал твой гибкий стан и плечи, к светлой тайне приложил уста» — это о Кашиной, как и много других прекрасных строк.

И вот поздней осенью 1916 года Есенин впервые переступил порог волшебного дома с мезонином. Его вместе с друзьями-односельчанами Клавдием Воронцовым и Николаем Сардановским пригласила к себе хозяйка, уже слышавшая в Москве об удивительном сельском паренке из ее родного Константинова. И сразу очаровавшего искусственную московскую публику.

С робостью и трепетом вошел он в этот дом. Кашина была очень приветлива, завязался разговор о литературе, и Есенин ожил, почувствовал себя свободнее. Она играла — больше своего любимого Шопена. Потом попросила Сергея прочесть свои стихи. В ней, любившей Константиново такой же нежной любовью, они отозвались музыкой... Она была взволнована

— и это волнение дорого было его сердцу. Обрадованный, окрыленный дружеской сердечностью с юных лет обожаемой женщины, он попросил разрешения посвятить ей стихи...

Но написаны они были не сразу, а почти два года спустя, после встречи с Кашиной в совсем других, грозных и суровых, обстоятельствах.

Грянула революция. Бунт, вольница всегда были по душе Есенину — он видел в этом размах русской натуры. Но пошел уже второй год после революции. В Москве — бушующая стихия и развороченный бурей быт, совершенно непригодный даже для такого неприхотливого, бездомного человека, каким был Есенин.

рудники музея Есенина в Константинове, открытого только в 1965 году, что это не так. Об этом рассказала, приехав в село, уже упоминавшаяся А. А. Ступенькова. Выяснилось, что Кашина оказалась истинной патриоткой, не рассталась с Россией, и прожила всю жизнь в Москве и там же живет ее сын. Все это казалось фантастическим. Кинулись искать. И нашли.

Действительно, сын Кашиной, Георгий Николаевич, был москвичом, бережно хранил фотографии, письма, все, что связано было с необычной судьбой матери, с ее знакомством, дружескими отношениями с Есениным. К счастью, он понимал бесценность того, что ему досталось. Много раз его просили продать архивы. Он отказывался, отдал их только музею Есенина.

Все вернулось на круги своя, к тому же порогу. С каким волнением вглядываемся мы теперь в портрет Лидии Ивановны — в бездонные, задумчивые глаза, благородный облик. Сохранилась в семейном альбоме и фотография барского константиновского дома. На ней хорошо видны и резная просторная веранда, и мезонин, и цветники, и клумбы во всей красоте и прелести начала века.

Тогда же открылись новые, московские, удивительные страницы жизни есенинской героини. Коренная москвичка, она любила этот город, его старинные уютные переулочки. Шумную Тверскую и старый университет на Моховой. Прекрасно училась, окончила с отличием Александровский институт. Смолоду горячо и серьезно интересовалась искусством, особенно театром, литературой. Музицировала, пела.

После смерти отца Лидия Ивановна не только владелица константиновской усадьбы на Рязанщине. В Москве, в Скатертном переулке, она приобрела двухэтажный особняк. Муж Кашиной стал видным литературоведом, занимался творчеством драматурга Островского, и гостями их дома были люди интересные, примечательные. Здесь бывал, к примеру, известный художник, друг Толстого, Леонид Осипович Пастернак (отец поэта Бориса Пастернака). Сохранился его рисунок «Начало танца», где изображены дети Кашиной на уроке танца.

В этот дом заходил Есенин. Однако нечасто: слишком далек был этот мир от божьего окружения поэта. Но он был для него таким же светлым и притягательным, как и константиновский «дом с мезонином».

После революции Лидия Ивановна лишилась и рязанской усадьбы, и особняка в Москве. Но вот что примечательно — Кашина, как и Есенин, не рассталась с Родиной, не могла покинуть любимую Москву даже в труднейшие времена. Наступили полные бед и лишений годы. Лидия Ивановна пошла работать машинисткой, stenografistкой, делала переводы, служила на скромной должности. И не теряла ни жизнелюбия, ни любви к прекрасному. Ее бывшие сослуживцы с благодарностью вспоминали, что она была неизменным организатором походов в театры и на концерты, именно она пригласила петь для своего коллектива молодого Лемешева...

Лидия Ивановна — не чеховская Раневская. Она пережила переворот в своей судьбе с достоинством, в труде и воспитала достойного сына. Умерла Кашина в 1937 году и похоронена на Ваганьковском кладбище, там же, где Сергей Есенин. Дом Кашиной в Константинове не постигла, к счастью, судьба усадьбы Блока, которую крестьяне разорили дотла. Наверное, было providение Божие о том, что в тот момент, когда в 1918 году разъяренные односельчане явились выгонять барыню и громить усадебный дом, в селе оказался Есенин. Его заступничество и спасло, наверное, «дом с мезонином». «Ты видишь, что делаем, — говорил он матери (по свидетельству сестры), — растащат, разломают все и никакой пользы, а сохранится целиком. — школа будет или амбулатория. Ведь ничего у нас нет!» Так убеждал он односельчан...

Так и вышло. Дом Кашиной сохранился, долго служил селу. В нем, как по есенинскому завету, была то библиотека, то амбулатория. Свой поэтический вид он, конечно, потерял. И когда в 1969 году стал наконец после долгих хлопот филиалом музея С. А. Есенина, уже не было ни веранды, ни террасы, ни резного нарядного обрамления, ни цветников, ни сада, вырубленного в войну. Восстанавливали, возвращали усадьбе прежний вид постепенно. С годами пополнялась экспозиция снова, как и при хозяйке, здесь обретали приют музы...

К столетию Есенина задумали сделать нечто необычное — музей одного произведения знаменитой поэмы. Ведь в народе, в литературе его так и называют — дом Анны Снегиной. Но нужны были большие деньги на реставрацию, на обстановку, на экспонаты.

Помог «Инкомбанк», председатель совета Владимир Павлович Грошев. Он выделил значительные средства. И к столетию Есенина его почитатели получают прекрасный подарок. Вы войдете в комнату Анны Снегиной, где все так или почти так, как в былые времена.

И покажется, что вот двери распахнутся и выйдет девушка в белом...

Наталья БОГДАНОВА,
член Союза журналистов России

Анна Снегина из Скатертного переулка

На этот раз он уезжает в Константиново надолго. И видит вновь «милые березовые чащи». Но в родном селе столько перемен! Оно бурлит, как буйное половодье, неуправляемое, неукротимое, неостановимое....

Лидия Ивановна со своими детьми уехала тогда за реку, в Белый Яр. Есенин не раз сопровождал туда Кашину. И эта весенняя дорога, звенящая красотой и пением птиц, этот мир, словно никакими бурями нетронутый в своей тишине, в душе его остались навсегда, вылившись потом серебряными, источающими горький и нежный аромат строками стихов, посвященных Кашиной: «Зеленая прическа», «Королева» и прекрасная «Анна Снегина». Поэма создана в 1924 году. Но в ней — вся жизнь, вся душа, вся любовь и боль, весь талант поэта.

И через всю поэму проходит Прекрасная Дамка Есенина — «девушка в белой накидке». Тогда казалось, это просто поэтический образ. Но нет, в доме с мезонином была фотография Лидии Кашиной, ее институтский выпуск, и все девушки — в белых накидках...

Прошло 40 лет после гибели Есенина. Все эти годы практически только почитатели Есенина собирали по крупицам материалы о нем. Серьезных исследований не было — запрещен! А свидетели, знавшие поэта, уходили понемногу «в те края, где тишь, да благодать». И потому ничего не известно было судьбе Лидии Ивановны. Хотя сестры Есенина, да и другие люди говорили о том, что именно она — прототип Анны Снегиной. Думали и даже не сомневались в том, что она, как и ее прототип Анна Снегина, уехала в Америку. С каким удивлением вдруг случайно узнали сот-